

Сегодня вам, уважаемые читатели, предлагается статья о, вероятно, первом сольном диске-гиганте Владимира Высоцкого. К сожалению, в данном случае гиганту отечественной грамзаписи - фирме "Мелодия" гордиться было нечем, ибо появился он в США.

Итак:

ПЕСНИ ВЫСОЦКОГО УЖЕ В АМЕРИКЕ

КТО такой Владимир Высоцкий – кажется, уже знают в среде русской эмиграции. Высоцкий - это поэт-песенник, обладающий редким даром моментально откликаться на все волнующие события быстротекущей жизни остросатирическими песнями и балладами, которые в СССР, ввиду их "беспартийности" - не печатают. Песни эти, наряду с песнями Галича, Окуджавы, Ножкина, Кима и прочих многочисленных "Бардов" - распространяются методом "Магнитиздата".

Популярность таких песен - огромна!

Мне рассказывали, что солидные партийные работники, рьяно осуждающие подобное "внеплановое" творчество на партсобраниях, с большим удовольствием слушают песни Высоцкого у себя дома, за бутылкой водки и в кругу домочадцев или друзей-единомышленников. Более того - матери, непобедимые и доблестные сотрудники Комитета Государственной Безопасности, в обязанности которых входит, в частности, защита советского народа от писателей и поэтов, не признающих соцреализма, так вот, даже эти железные чекисты частенько проливают скупые солдатские слезы, млея под незамысловатые, до ужаса правдивые слова песен советских "бардов".

Вот, стало быть, кто такой Высоцкий. Без отрыва от песенного сочинительства Владимир Высоцкий еще и работает актером в московском театре "На Таганке". И говорят, он неплохой актер. Во всяком случае, и "Литературная Газета", и "Комсомольская правда" весьма лестно о нем отзывались. Советский театральный критик К. Щербаков, например, в своей рецензии о спектакле "Гамлет", опубликованной в "Комсомолке" за 26 декабря 1971 года, писал: "Высоцкий сыграл не только высокую правоту Гамлета, но и его невольную, неизбежную, трагическую вину... Он много знал, много предвидел, умудренный опытом истории Гамлет, но одного не предвидел, не знал того, что мир зла, с которым он вступил в поединок, обрушит на него не только свою силу, но и свои правила игры..."

Привыкший читать "между строк" советский читатель сразу же сделал вывод: "Высоцкий со своими песнями играет в опасную игру, но ему все сходит с рук, потому что он и в самом деле актер редкого таланта".

Среди русских же эмигрантов песни Высоцкого пробивают себе дорогу с трудом, да это и не удивительно - уж больно специфичен и "осовечен" его язык, слишком далека его тематика от каждодневных забот русской эмиграции о выплате "моргеджа" за очередной дом и поездке во Флориду.

Тем не менее, силами и стараниями нескольких энтузиастов среди русских эмигрантов, были в этом году выпущены две пластинки с песнями Высоцкого. Первая из них выпущена фирмой "Воис рекордз" и ее можно заказать, если я не ошибаюсь, через газету "Новое Русское Слово". Стоит она пять долларов, с пересылкой.

Вторая пластинка выпущена фирмой "Коллектор рекордз". В нее вошли, кстати, не только песни Высоцкого, но и песни некоторых других советских "бардов". Вот об этих-то двух пластинках мне и хотелось бы повести сегодня речь.

Первая, как я уже сказал, выпущена фирмой "Воис рекордз". Это пятнадцать песен различного жанра (одна из которых, между прочим, затесалась из репертуара Галича - я имею в виду песню "Облака плывут в Колыму"). Все песни исполняются самим автором, причем четыре из них: "Песня о друге", "Братские могилы", "О новом времени" и "Кто сказал, что земля умерла?" - исполняются в сопровождении оркестра и даже выпущены в Советском Союзе отдельной пластинкой.

Причина такого внезапного признания Высоцкого очевидна - эти 4 песни по содержанию представляют собой жанр, близкий к агитпроповской героике, они воспевают суровую фронтовую дружбу, играют на слабых струнах советской души, упоминая жертвы второй мировой войны (а у каждой второй семьи кто-то да погиб "за Родину, за Сталина"). Да вот посудите сами, в песне о братских могилах поется:

"...А в вечном огне видишь вспыхнувший танк.

Горящие русские жаты,

Горящий Смоленск и горящий Рейхстаг,

Горящее сердце солдата.

Здесь нет ни одной персональной судьбы –
Все судьбы в единую слиты!"

Видите, как просто и неприметно подмешивается к людскому горю ядовитая политическая агитка. Проституирование самым сокровенным и наболевшим, и спекуляция на народном несчастье, вызванном,

кстати сказать, самим же "гением всех времен и народов" - это излюбленные приемы самой прогрессивной советской поэзии.

Несмотря на тот же "героический" тон, одна из этих четырех песен - а именно "Песня о новом времени" - отличается немногословной глубиной и скупой точностью характеристики послереволюционного времени, изуродовавшего души людей:

"...И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов!
Про войну будут детские игры с названиями старыми,
И людей будем долго делить на "своих" и "врагов"..."

А когда отгрохочет, когда отгорит и от плачет см,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели на платья,
На забыть бы тогда, на простить бы... и на прозевать..."

Несмотря на очевидную недосказанность в отношении того, кому и за что "не простить бы" и что именно "не прозевать" - советский слушатель отлично улавливает сквозь барабанный героизм подлинную трагичность "нового времени", жертвами которого все мы, в разной степени, являемся...

Остальные песни на этой пластинке менее фанфарны и исполняются самим Высоцким под собственный гитарный аккомпанемент. Записаны они, очевидно, на родном советском магнитофоне, еще не дошедшем до мировых стандартов качества. Однако, слова разобрать можно.

На этой пластинке записана одна из самых первых и самых удачных "антисталинских" лагерных песен - Товарищ Сталин, вы большой ученый". Именно об этой песне писал в своей книге "Лето Московское" югославский писатель Михайло Михайлов, услышавший ее на одной из студенческих вечеринок. Именно эта песня, по его мнению, является ответом "простого советского заключенного" на официальное:

"Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!"

А вот что на это отвечает Партии и Правительству Высоцкий, которому приписывается авторство этой песни:

"За что сижу - по-совести, не знаю,
Но прокуроры, видимо, правы.
И вот сижу я в Туруханском крае,
Где при царе бывали в ссылке вы!"

Где конвоиры строги и грубы.
Я это все, конечно, понимаю,
Как "обострение классовой борьбы".

Вся грудь у вас в наградах, вся в медалях,
И волос от заботы поседел...
Вы по шесть раз из ссылки убегали,
А я- дурак, ни разу не сумел!

Вчера мы хоронили двух марксистов,
Мы их не покрывали кумачом:
Один из них был "правым уклонистом",
Второй, как оказалось, ни при чем.

Живите ж сотни лет, товарищ Сталин!
И хоть в тайге придется сдохнуть мне,
Росло бы только производство стали
На душу населения в стране!"

На те же "лагерные" темы написаны и три другие песни, вошедшие в эту пластинку: "Штрафные батальоны", "Попутчик до Вологды" и "Тюрьма на Таганке". Две песни - "Бегун" и "Песня о боксере" - остроумные и талантливые пародии на "спортивную героиню". "Лето" - это просто лирическая песня, а вот две последние песни - "Тау-кета" (так в тексте - Прим. ред.) и "Что-то неприличное" - это уже политические

фельетоны.

Первая песня рассказывает о приключениях партийного работника, откомандированного на далекую планету в созвездии "Тау-кета" для наведения там, как и в Чехословакии в 1968 году, "нормализации", ибо:

"В далеком созвездии Тау-кета
Все стало для нас непонятно:
Сигнал посылаем: "вы, что это там!"
А нас посылают... обратно.

Ну вот, прилетает советский "освободитель" на далекую планету, и обнаруживает, что:

"У тау-кетян вся внешность - обман
(Тут с ними нельзя состязаться):
То явятся, то растворятся!

На Тау-кете условия не те,
Здесь нет атмосферы, здесь душно,
Но тау-китайцы радушны".

Давно известно, что самый эффективный метод убеждения в СССР - кулаком. Вот как это выглядело на далекой планете:

"Я крикнул: Галактике стыдно за вас!
В ответ они чем-то мигнули...

В запале я крикнул, что мать вашу, мол,
Но кибернетический гид мой
Настолько дословно меня перевёл,
Что мне за себя стало стыдно...

"Вы, братья по полу, кричу, мужики!"
Но что-то мой голос сорвался.
Я тау-кетянку схватил за грудки:
"А ну, говорю, ты! Признавайся!"

Но эти кагебешные методы не подействовали даже на женский пол далекой планеты, "тау-кетянка" осталась при своем мнении, ответив присланному из ЦК освободителю так:

"Она мне - уйди, говорит,
Мол, мы впереди, говорит,
Не хотим с мужчинами знаться,
А будем теперь - почковаться!"

Вот так и пришлось товарищу ни с чем покинуть планету в созвездии "Тау-кета". Причем, на обратном пути он горестно размышляет о том, что пока он летал:

"Земля ведь ушла лет на триста вперед
По гнусной теории Энштейна!
Что если и там, как на Тау-кета,
Ужасно повысилось знание?

Что если и там - Почкование!?"

А вот другая песня - "Что-то неприличное". Это уже про всамделишных китайцев, а именно - про "хунвэйбинов", название которых напоминает автору "что-то неприличное". В данном случае стрелы политической сатиры Высоцкого летят в том же направлении, что и агитпроповские газетные дубины - но это лишь случайное совпадение. Песня высмеивает не только китайских "хунвейбинов", но всякую "культурную революцию", превращающую молодежь в убийц:

"И не то, чтоб эти детки
Были просто малолетки,
А изрубили эти детки
Очень многих - на котлетки..."

Пластинка, выпущенная фирмой "Воис рекордз", хотя и не является, по понятным причинам, образцом высокого качества, но дает первое знакомство с Высоцким. В этом плане заслуживает еще большего уважения и внимания вторая пластинка с запрещенными советскими песнями, выпущенная фирмой "Коллектора рекордз". Пластинку эту напел талантливый грузинский актер Нугзар Шария, покинувший недавно СССР.

Несомненным достоинством этой пластинки является качество записи. Будучи профессиональным актером, Нугзар Шария обладает замечательной дикцией, с одной стороны, и отличным знанием материала - с другой.

А теперь о некоторых слабых местах пластинки. Прежде всего, английский перевод, сработанный Мишей Алланом. Перевод хороший... но! Отдельные выражения и словосочетания, рожденные в "великую сталинскую эпоху" в трудовых лагерях, переданы не совсем точно. Скажем, слово "червонец" на лагерном жаргоне может означать "десять лет", так же как "четвертак" - это не 25 рублей, а срок заключения в двадцать пять лет.

Хорошо было бы и в песне "Антисказка" дать подробное толкование многих выражений, употребляемых Высоцким. Дело в том, что "Лукоморье" - это не просто остроумная пародия на "Руслана и Людмилу", а острая социальная сатира на нынешнее советское общество, что поднимает "Антисказку" над другими песнями этого жанра.

Расшифровать эзоповский язык Высоцкого и объяснить значение каждого образа - было бы крайне желательно, особенно для "загнивающих" в странах Запада. Скажем, непосвященному читателю или слушателю трудно понять без соответствующего комментария на английском языке, что тридцать три богатыря символизируют у Высоцкого торжество партийного хамства и мещанства, и забвение "высоких" революционных идеалов, за которые "кровь проливали".

Замечателен, но непонятен иностранцам, как, впрочем, и многим русским эмигрантам, также и учёный-кот, наверняка член Союза Советских Писателей, и его "мемуары про татар" - уж не Крымских ли, высланных "отцом всех народов" куда Макар телят не гонял? А какие "божьи кары" имеет в виду Высоцкий? И что такое "торгаш" - все это неплохо было бы соответствующим образом разъяснить по-английски. Отсутствие такого комментария снижает "убойную силу" пластинки. Правда, надо отдать должное Мише Аллану - он пока первый и единственный энтузиаст среди русских эмигрантов, добившийся публикации переводов песен советских "бардов" в Северной Америке и, более того, - вместе с замечательной пластинкой.

Одно замечание хотелось бы сделать и в отношении стиля исполнения песен. Совершенно не желаю умалять достоинств исполнителя - Нугзар Шария, безусловно, сделал большое и важное дело и сделал его талантливо и добросовестно. Однако, когда поется о тюрьмах и лагерях, осиплость вполне уместна, а краснота и поставленность голоса, на мой взгляд, "не монтируется".

Тон, соответствующий содержанию своих песен, взял сам Высоцкий: о войне он поёт, сдержан - но и с горечью, о тюрьмах и конвоях - хрипло и с ненавистью, о Марине Влади - раздумно и тревожно. При этом голос его - лишь форма, наиболее подходящая к данному содержанию. К сожалению, не получилось этого у Нугзара Шарии - все песни исполняются им одинаково - красивым хорошо поставленным голосом профессионального певца, который хорошо питается и следит за цветом лица. Как сказал бы Станиславский: "Не верю!".

Совсем последнее замечание - очевидно, в адрес составителя альбома Виктора Кабачника, честь и хвала которому за отлично проделанную работу. Но за каким чертом нужно было включать Евгения Клячкина? Поэт он совершенно серый, сладковато-туристический. Проблематика его песен не выходит за пределы фальшивой комсомольской романтики или постельно-геологической лирики.

Посудите сами:

"Только ты не веришь в судьбу,
Значит, просто выбрось ключи,
Я к тебе в окошко войду,
А теперь - молчи..."

Как говорится - ни уму, ни сердцу.

Петр Курский
"Русская мысль" (Париж)
22 ноября 1973 года